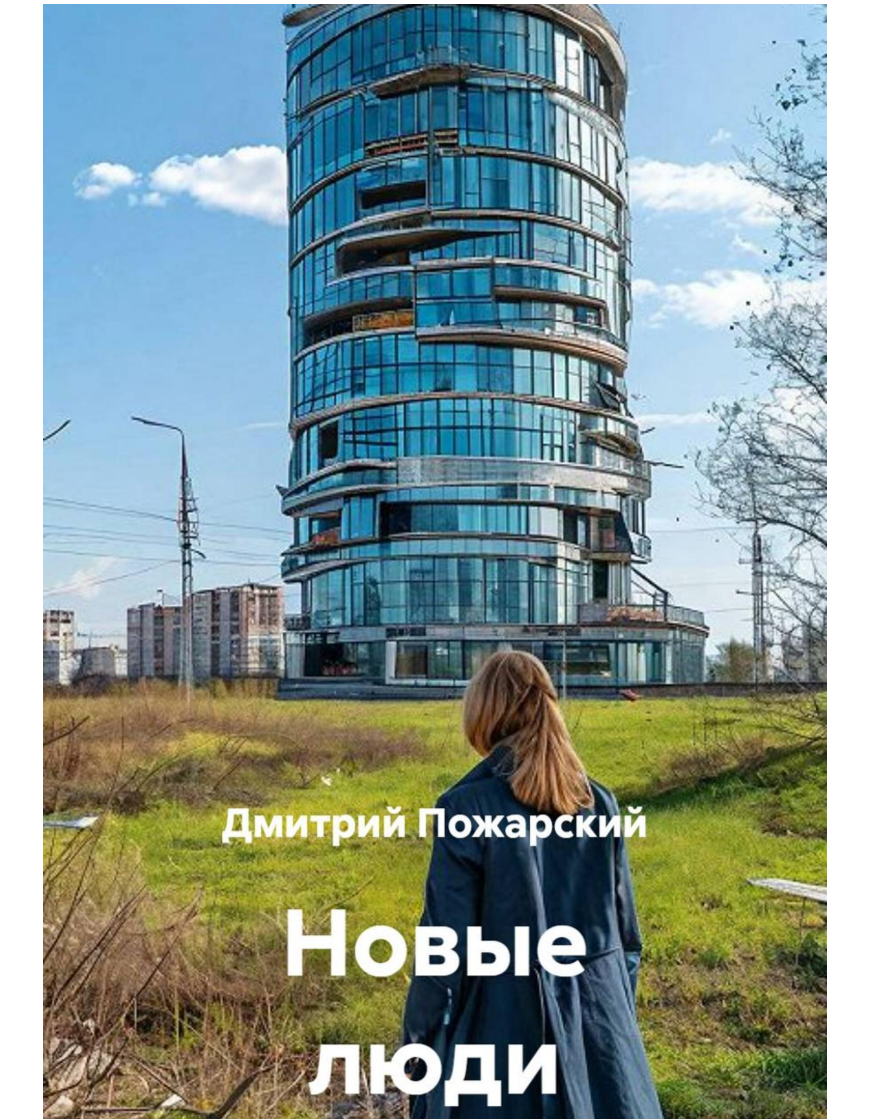

A woman with long brown hair, seen from behind, stands in a grassy field looking towards a tall, modern glass skyscraper. The building has a curved facade and many windows, some of which appear to be missing or broken. The sky is blue with some clouds. In the background, there are other buildings and power lines.

Дмитрий Пожарский

Новые люди

Дмитрий Пожарский

Новые люди

<https://litres.ru/74192017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 2023 год. Архитектор Анна Воронцова живёт в стеклянной башне, проектирует гардеробные для элитных сумок и задыхается в «бесшовной» цифровой реальности, которую построил её муж — ведущий стратег корпорации «Гексагон». Случайный вопрос «Что делать?», брошенный ветром на скомканном флаере, вырывает её из привычного мира и приводит на заброшенную дамбу Рыбинского водохранилища — в общину «Точка Ноль». Там бывший хирург-отказник, гениальный программист, старый плотник и другие «выпавшие из системы» пытаются построить жизнь без лжи, без денег и без хозяев.

Книга о мужестве быть, о разумном эгоизме XXI века и о том, как обычные люди начинают строить новый мир — не дожидаясь разрешения.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Новые люди

Глава

НОВЫЕ ЛЮДИ

Роман-эпопея

Пролог. Город, залитый светом

Октябрь 2023 года навалился на Москву промозглой, ветреной тьмой, которую тщетно пытались разогнать миллионы светодиодов. На пересечении Третьего транспортного и Кутузовского проспекта, там, где стеклянные иглы «Москва-Сити» пронзали низкие тучи, дождь превращался в подобие жидкого золота. Каждая капля, подсвеченная рекламой премиальных автомобилей и грядущих премьер в стриминговых сервисах, на секунду становилась драгоценностью, чтобы затем упасть в чёрные лужи на сером граните.

Анна Сергеевна Воронцова стояла на пешеходном мосту, вцепившись побелевшими пальцами в мокрый поручень. Холод металла обжигал кожу, но она почти не чувствовала его. Ей был тридцать один год, и в этот миг она ощущала себя не архитектором с красным дипломом МАРХИ, а пустой стеклянной колбой, в которую забыли налить реактив. Сзади, за спиной, шумела кофейня, из динамиков лился искусственный джаз, и женщина с идеальным макияжем на плазменной панели призывала прохожих «услышать се-

бья», купив новый смартфон. Вокруг сновали люди: курьеры на электрических велосипедах, разрезающих лужи, как ножи; офисные клерки в одинаковых пальто-коконах, спешащие в метро; туристы, фотографирующие башню «Эволюция». И среди этого броуновского движения Анна казалась себе единственной, кто выпал из потока.

Она смотрела на своё отражение в огромной луже у основания фонаря. Вода колыхалась от вибраций подземки, искажая черты: длинные русые волосы, выбившиеся из-под капюшона, серые глаза, которые когда-то, по словам её профессора, «видели пространство», а теперь видели лишь усталость. Она вспоминала, как двенадцать лет назад, чертя первые эскизы, мечтала строить дома, которые будут дышать, школы, где дети будут расти без страха, библиотеки, наполненные тишиной и светом. Реальность же превратила её в дизайнера интерьеров для премиальных апартаментов. Вчера она согласовала пятую по счёту «умную» гардеробную с климатическим контролем для сумок Birkin. Сумки должны храниться при идеальной влажности, пока где-то в Нижнем Новгороде люди ютятся в хрущёвках с плесенью на стенах.

Анна тяжело вздохнула, и пар от её дыхания смешался с дождевой моросью. Именно в этот момент порыв ветра, закрутившийся между башнями, словно в аэродинамической трубе, сорвал с края урны скомканный листок и швырнул его прямо к её ногам. Листок упал в ту же лужу с отражением. Анна машинально наклонилась и подняла размокшую

бумагу. Это был дешёвый рекламный флаер, отпечатанный на плохой серой бумаге, какие раздают у метро. По центру шёл типовой текст: «Заработок в интернете от 100 000 рублей в день», но поверх этого текста, поперёк, размашистым почерком чёрным маркером были выведены два слова. Буквы уже поплыли от воды, но всё ещё читались: «ЧТО ДЕЛАТЬ?».

Анна вздрогнула. Это был не просто вопрос о выборе кофе или цвета обоев в спальню. Вопрос был направлен в самую суть её существования. Она сунула флаер в карман плаща и быстро зашагала к своей башне. Ей казалось, что между лопаток ей смотрит город — многоглазый, равнодушный и прекрасный в своей цифровой безупречности.

Глава 1. Башня «Эволюция»

Лифт возносил Анну на сорок седьмой этаж бесшумно и стремительно — всего за двенадцать секунд. В зеркальной кабине она видела себя во весь рост: влажный плащ, который три года назад стоил целое состояние, но всё равно пропускал сырость; потускневший взгляд; отсутствие улыбки. На полу лифта оставались грязные следы от её кроссовок. Когда двери открылись прямо в холл апартаментов, Анна на секунду замерла.

Квартира, спроектированная модным итальянским бюро, больше походила на музей современного искусства, чем на жильё. Панорамное остекление от пола до потолка открыва-

ло вид на вечерний город — гигантский планшет с миллиардом пикселей. Внутри царил минимализм: белые стены, серый керамогранит, хромированные детали, скрытая подсветка, которая загоралась сама, реагируя на движение. Воздух был стерилен, поскольку окна здесь не открывались вовсе — климат поддерживала централизованная система, а любые запахи уничтожались фотокаталитическими фильтрами. Здесь не пахло ничем: ни дождём, ни землёй, ни едой.

Кирилл Викторович Белозёров, её муж, полулежал на диване из серого велюра. Ему было тридцать шесть, и он выглядел безупречно: дорогие спортивные брюки, худи из органического хлопка стоимостью в месячную зарплату медсестры, на запястье — титановые часы с функцией ЭКГ, на носу — очки без оправы, стёкла которых транслировали сейчас биржевые котировки и дашборды проектов. Перед ним на столике из матового стекла стоял стакан со смузи насыщенного зелёного цвета (капуста кейл, сельдерей, спирулина — ровно триста двадцать калорий, оптимизированный состав для поддержания когнитивных функций). Он не смотрел телевизор, не слушал музыку. Он работал, даже отдыхая.

Кирилл был ведущим стратегом в корпорации «Гексагон» — гигантской экосистеме, которая пронизывала все сферы жизни: от доставки еды и телемедицины до умных домов и образовательных кредитов. «Гексагон» не продавал товары, он продавал «бесшовный опыт». Именно Кирилл придумал слоган последней рекламной кампании: «Ты не должен ду-

мать. Думаем мы». И он искренне гордился этим.

— Ты опоздала, — произнёс Кирилл, не отрывая взгляда от стёкол. Его голос был ровным, лишённым эмоций, словно он констатировал сбой в системе. — Я заказал нам ужин из «Пьемонте». Трюфельная паста. Твоя порция уже час как оптимизируется в холодильнике. Доставка была ровно в девятнадцать ноль-ноль.

Анна сбросила мокрые кроссовки и прошла в гостиную. С её волос на белый пол закапала вода. Где-то в недрах умного дома щёлкнул датчик, и едва заметный робот-пылесос изменил маршрут, чтобы втянуть влагу.

— Я не голодна, — тихо сказала она, садясь на подоконник — единственное место, где разрешалось сидеть в уличной одежде.

— Дело не в голоде, Аня, а в графике, — Кирилл наконец снял очки и посмотрел на неё. Взгляд его был прозрачно-голубым и совершенно спокойным. Он рассматривал её не как женщину, а как проект, в котором обнаружена ошибка. — Нутрициолог рассчитал калораж. Пропуск приёма пищи сбивает циркадные ритмы. Это влияет на продуктивность. Завтра у тебя важный звонок с заказчиком, помнишь?

— Я отменила его, — ответила Анна, глядя не на мужа, а на дождь за стеклом. — Я не буду проектировать четвёртую гардеробную для Алисы Романовой. Пусть наймёт кого-то другого. Я выиграла грант, Кирилл. Серьёзный грант от

Фонда городских инициатив. Мы будем строить экспериментальный жилой квартал в Нижнем Новгороде. Из переработанных материалов. Эко-дома, общественный огород, коворкинг. Мне нужно будет уехать на три месяца. Может, больше. Жить в вагончике на стройплощадке.

В комнате повисла тишина. Слышно было только, как робот-пылесос мягко шуршит по полу, всасывая капли дождя.

Кирилл не рассердился. Это было бы слишком примитивной реакцией для человека, управляющего алгоритмами. Он улыбнулся. Улыбка была тёплой, хорошо отрепетированной — такой, какую он использовал на переговорах с инвесторами, когда те предлагали невыгодные условия.

— Аня, давай проведём SWOT-анализ, — предложил он, поднимаясь. Он подошёл к интерактивной панели на стене и жестом вызвал виртуальную доску. — Смотри. Сильные стороны: ты талантливый архитектор. Слабые стороны: ты не умеешь управлять проектами за пределами CAD-программ, у тебя нет опыта работы со строительной грязью и прорабами-алкоголиками. Возможности: грант — это пиар. Угрозы: ты сгоришь эмоционально за месяц, потеряешь репутацию в Москве, а наша ипотека за эту квартиру составляет триста сорок тысяч рублей в месяц.

— Ипотека, — повторила Анна с горечью. — Мы платим за то, чтобы жить в банке с несвежим воздухом.

— Мы платим за статус и безопасность, — поправил Кирилл. — За то, что наши будущие дети пойдут в правильную

школу. За то, что нам не придётся видеть пьяных соседей и слушать их скандалы за стеной. Ты устала, я понимаю. Я записал тебя на ретрит по арт-терапии в Подмосковье. Всё включено, цифровой детокс, сосновый лес. Съезди на выходные, перезагрузись. А потом мы найдём тебе действительно интересный проект здесь. Например, сейчас ищут дизайнера для новой смотровой площадки в Лужниках. Это престижно. Это Москва.

— Я не хочу смотровую площадку! — Анна резко встала. Внутри неё что-то задрожало. Та самая струна, которую она так долго пыталась заглушить. — Я хочу строить дома, в которых люди будут жить, а не позировать. Я хочу видеть, как из моих чертежей вырастают стены, за которыми детям тепло, а старикам безопасно. Я не хочу быть винтиком в твоей машине по продаже «опыта». Твой «Гексагон» — это гигантская камера хранения для человеческих амбиций. Мы запираем там мечты и выбрасываем ключ.

Кирилл вздохнул. Он выключил интерактивную доску, подошёл к бару, вынул бутылку шотландского односолодового виски и налил себе ровно тридцать миллилитров.

— Ты говоришь штампами, Аня. «Машина», «система», «мечты». Это лексика подростка-анархиста, а не взрослой женщины. Посмотри на мир объективно. Человечество перевалило за восемь миллиардов. Ресурсы ограничены. Единственный способ избежать хаоса — это эффективное распределение благ и желаний. «Гексагон» даёт людям ровно то,

что они хотят, ещё до того, как они это осознали. Мы снижаем фрустрацию, мы предотвращаем войны за кусок хлеба, замещая их войной за лайки. Это эволюция, а не заговор. И ты, архитектор, должна понимать это лучше других. Ты строишь коробки. Я строю поведение.

— Но если людям давать только то, что они хотят, они деградируют, — тихо возразила Анна. — Ребёнок хочет есть только конфеты. Если дать ему волю, он умрёт от диабета. Общество, которое потребляет только развлечения, разучится думать. Твоя система — это цифровой сахар. И мы на нём сидим.

— А ты предложи им брокколи, — усмехнулся Кирилл. — Посмотрим, как быстро они сожгут твой эко-квартал за ненужность. Люди ленивы и неблагодарны, Аня. Им не нужна свобода, она их пугает. Им нужен пастух с удобным интерфейсом. Я — этот пастух. И, надо сказать, моё стадо довольно довольно.

Он произнёс это с такой спокойной убеждённой, что Анна почувствовала приступ тошноты. Дело было не в том, что он не прав. Дело было в том, что он слишком хорошо описал мир, в котором она жила. И часть её души, та самая, что боялась неизвестности, тихо нашёптывала: «Может, он прав? Может, не стоит высываться?».

Но тут в кармане её плаща, который она бросила у двери, что-то хрустнуло. Она вспомнила о скомканном флаере. «Что делать?».

— Я ухожу, — вдруг сказала она негромко, но отчётливо. — Не на выходные. И не на ретрит. Я ухожу из этой квартиры, Кирилл. Из этого стеклянного колодца. Я не хочу оптимизировать свой график и свой рацион. Я хочу ошибаться, хочу пачкаться, хочу чувствовать холод и голод, хочу слышать, как шумит дождь не через динамики, а по жестяной крыше. Я хочу вспомнить, кто я.

Кирилл поставил стакан. Его лицо по-прежнему не выражало гнева. Лишь лёгкая тень сожаления промелькнула в уголках губ.

— Ты совершаешь эмоциональный ход, — сказал он. — Я даю тебе время остыть. Если ты уйдёшь, обратной дороги не будет. Я не смогу держать ячейку открытой. Подумай до утра.

— Я подумала, — ответила Анна. — Я думала последние пять лет. Я больше не думаю. Я делаю.

Она подошла к шкафу-купе, открыла его и достала старый, ещё институтский, походный рюкзак. Положила туда ноутбук, пару свитеров, джинсы, документы. Кирилл молча наблюдал, прислонившись к барной стойке. В его глазах читалась сложная смесь: аналитик видел, что переменная вышла из-под контроля, мужчина видел, как рушится его идеальная картинка жизни, но ни одной эмоции не прорвалось наружу. Всё было сублимировано в холодное ожидание.

Когда Анна уже стояла в дверях, он произнёс последнюю фразу:

— Ты ищешь «настоящее», Аня. Но «настоящее» пахнет навозом, кричит матом и хочет тебя обмануть. Когда реальность ударит тебя по лицу, а она ударит, не пытайся вернуть-ся. Система не терпит возвратов.

Анна ничего не ответила. Двери лифта сомкнулись, отрезая её от стерильного мира. Она спустилась в холл, вышла под козырёк, где продолжал моросить дождь. На душе было странно: страх переплетался с ликованием, как будто она прыгнула с обрыва и ещё не знала, есть ли внизу вода.

Она развернула скомканный флаер. Чернила окончательно расплылись, превратив «ЧТО ДЕЛАТЬ?» в фиолетовую кляксу. Но теперь это не имело значения. Она знала первый шаг.

Глава 2. Кофейня «Библиотека» и человек в худи

Было уже за полночь. Метро закрылось, таксисты заламывали тройной тариф. Анна брела по Тверской, кутаясь в плащ, пока не наткнулась на вывеску круглосуточной кофейни-читальни «Библиотека» — одну из тех, где стены обшиты старыми книгами, а посетители сидят до утра, уткнувшись в ноутбуки или настоящие бумажные фолианты. Запах свежемолотого кофе смешивался с запахом книжной пыли, создавая уютный, почти домашний аромат.

Она заказала большой капучино, нашла свободный столик в углу, за баррикадой из собрания сочинений забытых

философов, и открыла ноутбук. Нужно было найти контакты Фонда городских инициатив, распечатать грантовые документы, понять, куда ехать завтра. Но вместо этого она просто сидела, прислушиваясь к тихому бормотанию посетителей и стуку клавиш.

За соседним столиком, буквально в метре от неё, сидел молодой человек. Он был одет в дешёвое серое худи с капюшоном, на носу — очки с толстыми линзами, на столе — гора каких-то микросхем, плат, проводов, а также открытый томик в потрёпанной обложке. Анна не видела названия, но заметила, что книга на французском. Молодой человек не пил кофе — перед ним стоял стакан с водой и тарелка с гречкой, которую он методично, почти механически поглощал, не отрывая взгляда от экрана ноутбука. На экране бежали строки кода.

Анна не хотела ни с кем разговаривать, но тут молодой человек, не поворачивая головы, произнёс:

— Если вы будете так сжимать чашку, она треснет. А у них тут за посуду штраф.

Анна вздрогнула и только сейчас заметила, что действительно вцепилась в чашку мёртвой хваткой. Она ослабила пальцы и усмехнулась.

— Спасибо. Тяжёлый вечер.

— У всех тут тяжёлый вечер, — философски заметил молодой человек, отправляя в рот очередную ложку гречки. — Иначе зачем сидеть в книжной кофейне в час ночи. Вы бе-

жите от чего-то или к чему-то?

— Скорее, выпадаю, — ответила Анна неожиданно для самой себя. — Из одной очень продуманной системы.

Молодой человек наконец поднял глаза. Они оказались серо-зелёными, внимательными, с искоркой иронии. Ему было лет двадцать восемь, но взгляд казался старше.

— Выпадение — это первый шаг к суверенитету, — заметил он. — Я Глеб. Глеб Соколов.

— Анна, — кивнула она.

— Анна, — он словно попробовал имя на вкус. — Архитектор? Дизайнер? У вас пальцы в следах графитового карандаша, хотя сейчас все на планшетах. Значит, вы чертите эскизы от руки. Это редкость.

— Архитектор, — подтвердила Анна. — А вы? Программист? Или инженер?

— Немного того, немного другого. Сейчас ремонтирую ноутбуки за еду, но иногда пишу код для тех, кому он действительно нужен, — Глеб захлопнул ноутбук. — А это, — он кивнул на книгу, — Шарль Фурье. Французский утопист. Читаю, чтобы понять, почему красивые идеи разбиваются о реальность. Мне кажется, проблема в масштабировании.

— Что, простите?

— Люди придумывают идеальные миры, но всегда натыкаются на человеческую природу. В маленькой общине, где все друг друга знают, работает взаимопомощь. Но как только община растёт, включается анонимность, и кто-то начинает

воровать, кто-то лениться. Утопии гибнут не из-за врагов, а из-за внутренней энтропии. Вы когда-нибудь задумывались, почему современный город такой агрессивный, хотя мы живём в эпоху изобилия? Потому что мы не видим друг друга. Мы — пиксели. Архитектор, скажите, как построить дом, который бы заставлял людей быть людьми, а не функциями?

Анна задумалась. Этот странный разговор с незнакомцем в час ночи был именно тем, чего она неосознанно искала. Она не знала про Фурье, но проблема, поднятая Глебом, была сутью её профессионального кризиса.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Я десять лет строила «элитное жильё», которое разделяет людей на ячейки. Хрустальные соты. Я пыталась сделать их красивыми, но они всё равно остаются тюрьмами. Я ушла от мужа сегодня, чтобы попробовать построить что-то другое. Что-то живое. Но я понятия не имею, как.

Глеб внимательно посмотрел на неё. Потом, без всякого предупреждения, он отодвинул свою гречку, взял салфетку и начал чертить на ней карандашом.

— Смотрите, — он нарисовал круг, — это традиционное жильё. Центр — это двор. Все друг друга видят, у всех общая ответственность. Но нет приватности. Потом изобрели лифт и железобетон, — он нарисовал вертикальную линию, разделённую на горизонтальные перекладыны. — Получилась башня. Приватность есть, но нет общности. Каждый сам за себя. Теперь представьте сеть, — он быстро зарисовал

несколько кругов, соединённых линиями. — Модульные дома, которые можно пересобирать. Семья растёт — пристроил модуль. Дети уехали — отдал модуль соседней семье. Общие пространства — не для галочки, а такие, где соседи вынуждены встречаться, но без насилия. Например, общая прачечная с библиотекой и кофейней. Нельзя просто постирать и уйти. Ты должен задержаться, выпить кофе, увидеть соседа. Социальное трение. Оно создаёт эмпатию.

— Социальное трение, — пробормотала Анна, глядя на салфетку с линиями. Её профессиональный мозг мгновенно включился, оценивая рациональность схемы. — Это... интересно. Но затратно. И требует согласия жильцов.

— Верно. Поэтому строить надо не просто дома, а новую систему отношений. Мы с товарищем как раз начинаем такой проект. Он на Волге, на полузаброшенной дамбе под Горьковским водохранилищем. Называется «Точка Ноль». Хотим создать автономное поселение, открытое для всех, кто хочет выпасть из гонки и начать жить осмысленно. Там понадобится архитектор, который умеет рисовать не только для богатых.

Глеб пододвинул салфетку к Анне. На обороте была та самая схема. А в углу — адрес и контактный телефон, написанный тем самым размашистым почерком чёрным маркером, который она уже видела на флаере.

— Это вы? — Анна вытащила смятый флаер из кармана. — Это вы написали «Что делать?».

Глеб усмехнулся.

— Я раздал таких штук пятьсот у метро, когда понял, что обычные объявления не работают. Люди смотрят на рекламу, но не читают. А вопрос из ниоткуда — это крючок. Рад, что хоть один клюнул.

Он отодвинул тарелку, поднялся, собрал свои микросхемы в рюкзак.

— Мне пора. Завтра рано вставать — разгружать фуру с утеплителем. Если надумаете, приезжайте. Только предупреждаю: там нет кондиционеров, там пахнет навозом с фермы, а по ночам холодно. Но звёзды — как в планетарии. В Москве таких не увидишь.

Он ушёл, оставив Анну одну. Она ещё долго сидела в «Библиотеке», глядя то на салфетку со схемой, то на дождь за окном. Что делать? Теперь она знала больше, чем час назад. Путь начинался с прыжка в неизвестность. И кажется, внизу была не пропасть, а земля, которую предстояло возделывать заново.

Глава 3. Поезд № 042В «Москва — Нижний Новгород»

Анна не спала всю ночь. Когда за окнами «Библиотеки» серый октябрьский рассвет начал разбавлять черноту неба до состояния грязного жемчуга, она всё ещё сидела за тем же столиком. Перед ней лежала салфетка со схемой Глеба, грантовые документы, распечатанные на старом принтере кофей-

ни, и пустая чашка из-под пятого капучино. Кофеин больше не бодрил — он просто поддерживал её в состоянии звенящего, стеклянного бодрствования, когда мысли становятся острыми, как осколки.

Решение было принято не умом, а какой-то более древней частью существа — той, что ведаёт инстинктами. Анна даже не столько *решила* ехать в «Точку Ноль», сколько *обнаружила*, что уже едет. Тело действовало быстрее рассудка.

В семь утра она поймала такси до Курского вокзала. Водитель, пожилой армянин с усами, слушал «Радио Шансон» и всю дорогу что-то рассказывал про пробки и погоду. Анна не слышала его. Она смотрела на просыпающуюся Москву — город, который она когда-то покоряла, а теперь покидала, как беглый солдат. Москва-Сити уплывала назад, растворяясь в серой дымке.

На вокзале пахло железной дорогой, дешёвыми беляшами и креозотом. Этот запах, густой и резкий, показался Анне прекрасным после стерильной атмосферы башни «Эволюция». Она купила билет в плацкартный вагон — не из экономии, а из смутного желания окунуться в реальность, от которой так долго была изолирована. Ей хотелось видеть людей, слышать их разговоры, ощущать вибрацию рельс.

Поезд отошёл ровно в 08:15. Анна сидела на нижней боковой полке, прижавшись лбом к холодному стеклу. За окном проплывали индустриальные окраины: ржавые гаражи, склады из профнастила, горы угля и щебня, а потом внезап-

но — поля. Огромные, мокрые, убранные поля с чёрной землёй, над которой кружили вороны. Небо нависало низкое, тяжёлое, обещающее первый снег.

В вагоне было полупусто. Напротив, на верхней полке, спал мужчина в камуфляжной куртке. У окна сидела старуха в пуховом платке, перебиравшая чётки. Где-то в конце вагона плакал ребёнок, и молодая мать усталым голосом уговаривала его замолчать. Проводница разносила чай в гранёных стаканах с подстаканниками, и этот звон — металла о стекло — вдруг вызвал у Анны прилив острой, почти болезненной ностальгии. Так пахло в поездах её детства, когда она с родителями ездила к бабушке в Нижний. Тогда мир казался огромным, полным загадок, а профессия архитектора — способом этот мир улучшить.

Теперь, спустя двадцать лет, она сидела в таком же поезде, сломленная, бегущая, но чувствующая странный подъём. Она достала блокнот и начала делать наброски — не для заказчика, не для конкурса, а просто чтобы зафиксировать мысли, разбуженные вчерашним разговором с Глебом.

Она рисовала не здания, а связи. Схемы дворов, где детская площадка встроена в огород, где скамейки образуют круг, вынуждающий соседей смотреть друг на друга, а не в телефоны. Она рисовала «социальное трение» — термин, брошенный Глебом, теперь обретал плоть в её эскизах. Общая кухня-мастерская, где нельзя просто взять еду и уйти; общий коридор, расширенный до галереи; стены, которые

можно передвигать.

Часы шли. Поезд пересёк Владимир, пошёл на восток, в сторону Нижнего. За окнами замелькали леса, овраги, мосты через малые реки. На станциях с названиями вроде «Гороховец» или «Ильино» поезд стоял по две минуты, и Анна видела покосившиеся избы, ржавые водонапорные башни, мужиков в телогрейках, торгующих вяленой рыбой. Это была Россия, которую не показывали в рекламе «Гексагона», — Россия без глянца, без «бесшовного опыта», живущая по законам выживания.

Анна смотрела и думала о словах Кирилла: «Реальность пахнет навозом и хочет тебя обмануть». Что ж, навозом пахло. Но пахло и прелой листвой, и дымом печных труб, и чем-то ещё — может быть, временем, которое здесь текло иначе.

К вечеру поезд прибыл на Московский вокзал Нижнего Новгорода. До «Точки Ноль», судя по карте, было ещё километров сорок на север, к Горьковскому водохранилищу. Глеб сказал: «Добираться надо на автобусе до посёлка, а там пешком через дамбу». Анна вышла на перрон, поёживаясь от пронизывающего ветра с Волги. Пахло рекой, рыбой и мазутом — рядом был речной порт, чьи краны, подсвеченные закатом, тянулись к свинцовому небу.

Она нашла автобусную остановку — бетонный павильон с выбитыми стёклами, внутри которого сидела компания подростков с пивом. Они проводили её равнодушными взглядами. Автобус, старый «ПАЗик» с треснувшим лобовым стек-

лом, подошёл через час. В салоне пахло солярой. Кроме Анны, ехали две бабки с сумками и мужик с удочками.

Автобус трясся по разбитому асфальту ещё полтора часа. За окнами смеркалось. Дорога шла через хвойный лес, чернеющий на фоне оранжевого неба. Иногда лес расступался, и открывалось огромное водное пространство — Горьковское море, рукотворный водоём, разлившийся по пойме Волги. Говорили, что где-то под водой, у островов, ещё можно найти остовы старых барж и остатки монастырских фундаментов.

На конечной остановке, в посёлке с названием Приволжск, Анна осталась одна. Солнце село. Стало холодно — градусов пять, не больше. Она надела на себя все свитера, что были в рюкзаке, и зашагала по дороге, ведущей к дамбе, подсвечивая путь фонариком телефона.

Дамба оказалась гигантским бетонным сооружением, уходящим в темноту на два километра. С одной стороны плескалась чёрная вода, с другой — чернел провал оврага. Ветер здесь был такой силы, что Анне приходилось наклоняться вперёд, чтобы идти. В лицо летели мелкие брызги. Она шла и думала: «Вот оно, дно. Дальше падать некуда». Но страха не было. Было странное возбуждение, какое бывает у первооткрывателей.

В конце дамбы замаячил огонёк. Он мигал — не электрический, а живой, жёлтый. Костер. Подойдя ближе, Анна разглядела силуэты: несколько строений из морских контейне-

ров и деревянных щитов, ветряк, парники, укрытые плёнкой, и высокую конструкцию, напоминающую сторожевую вышку. Всё это было обнесено забором из сетки-рабицы, но ворота были открыты настежь.

У костра сидели трое. Первым Анна узнала Глеба — он сидел, как и вчера, уткнувшись в ноутбук, хотя вокруг была крошечная тьма. Рядом с ним, на бревне, сидел крупный мужчина лет тридцати пяти, с окладистой бородой и руками, которые чистили рыбу. Третий — паренёк лет девятнадцати — подбрасывал ветки в огонь.

— Приехала, — констатировал Глеб, не отрываясь от экрана. — Быстро. Я думал, ты ещё сутки будешь рефлексировать.

— Я устала рефлексировать, — ответила Анна, сбрасывая рюкзак на землю. — Я хочу делать.

Крупный мужчина поднял глаза. В свете костра его лицо казалось вырезанным из дерева — грубое, обветренное, с глубокими складками у рта. Но глаза были удивительно тёплыми, карими, с лучиками морщин.

— Роман Теплов, — протянул он руку. Ладонь была сухой, горячей, шершавой. — Врач. Терапевт, хирург, педиатр, ветеринар — по обстоятельствам. Добро пожаловать в «Точку Ноль». У нас не курорт, но и не тюрьма. Что-то среднее между монастырём, научной лабораторией и сумасшедшим домом.

— Анна Воронцова. Архитектор.

— Архитектор — это хорошо, — Роман вернулся к чистке рыбы. — У нас тут с планировкой беда. Вон, Глеб нагородил — курятник с серверной спутал. Иди к огню, грейся. Сейчас уха будет.

Глава 4. «Точка Ноль». Утро нового мира

Анна проснулась от холода. Точнее, от того, что кончик её носа окончательно замёрз, а изо рта вырывался пар. Она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Над ней был низкий потолок из фанеры, обклеенный старыми газетами. Свет пробивался сквозь щели в стенах — утро было ярким, солнечным, совершенно не похожим на вчерашний мрак. Где-то рядом размеренно гудел ветряк, и этот звук, басовитый и монотонный, смешивался с криком чаек.

Она лежала в спальном мешке на деревянных нарах. В помещении — крошечном, метра четыре квадратных — помещались только нары, стол из досок и печка-буржуйка, которая сейчас едва теплилась. Анна села, спустила ноги. Пол был ледяной. Она быстро натянула джинсы, свитер, куртку и вышла наружу.

То, что она увидела, заставило её замереть.

«Точка Ноль» располагалась на широкой насыпи дамбы, с которой открывался захватывающий дух вид на Горьковское водохранилище. Вода, спокойная в этот час, была цвета тёмной стали и уходила к горизонту, где сливалась с бледно-голубым небом. По берегу, насколько хватало глаз, тянулись

песчаные пляжи, поросшие редким кустарником. Вдалеке, километрах в трёх, виднелись остовы полузатопленных деревьев — мёртвый лес, торчащий из воды чёрными пиками.

Сама «Точка Ноль» состояла из десятка строений, собранных, казалось, из всего, что попало под руку. Три больших морских контейнера, переделанных под жильё, стояли полукругом. Крыши у них были покатыми, засыпанными землёй и мхом — для теплоизоляции. Рядом, под навесом, размещалась кухня: газовая плита, длинный дощатый стол, несколько скамеек. Чуть поодаль — теплица, собранная из старых оконных рам, внутри которой зеленели какие-то растения. Ещё дальше — мастерская с верстаком, куча стройматериалов, укрытых брезентом, и странная конструкция из двух ветряков и солнечных панелей, от которых тянулись провода к контейнерам.

Но главное, что поразило Анну, — это масштаб самодеятельности. Всё здесь было построено руками, без участия профессиональных строителей. Сварные швы на контейнерах были грубоватыми, деревянные пристройки — немного кривоватыми, но каждая деталь дышала функциональностью. Ничего лишнего. Никакого декора. Только суть.

У кухни уже возился Глеб. Он наливал кипяток в большую кастрюлю, помешивая что-то деревянной ложкой.

— Завтрак, — бросил он, не оборачиваясь. — Овсянка на воде с сухофруктами. У нас тут веганство не по идеологии, а по необходимости. Мясо — только по праздникам, когда

Роман рыбы наловит или дичи какой подстрелит.

— Ты охотишься? — Анна удивлённо посмотрела на Романа, который подошёл следом с охапкой дров.

— Я всё умею, — усмехнулся Роман. — Медицина — это моя профессия. Охота, рыбалка, плотницкое дело — это навыки выживания. Цивилизация сделала нас узкими специалистами. Человек думает, что он — менеджер по продажам или SMM-щик. А на самом деле он просто примат, который разучился добывать огонь. Я возвращаюсь к корням. И тебе советую.

Он свалил дрова у печки, выпрямился, отряхнул руки и вдруг внимательно посмотрел на Анну.

— Руки покажи, — неожиданно потребовал он.

— Что?

— Руки. Ладони вверх.

Анна, смутившись, протянула руки. Роман взял их в свои огромные ладони, осмотрел, перевернул, нажал на подушечки пальцев.

— Мягкие. Мозолей нет. Ногти ухоженные, — констатировал он. — Это плохо. Архитектор должен знать материал, с которым работает. Ты умеешь держать молоток? Шуруповёрт? Рубанок?

— Я умею проектировать здания, в которых люди живут...

— Это теория, — перебил Роман беззлобно. — Теория без практики мертва. Если ты не знаешь, как забить гвоздь, ты не понимаешь, что такое стена. Если ты не месила глину,

ты не понимаешь, что такое теплоёмкость. С сегодняшнего дня у тебя будет практика. Пойдём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.